

Во время праздника Лаба Линь Цинхэ вставала рано утром и варила большую кастрюлю ароматного лаба.

Несмотря на то, что каша была только слегка сладковатой, приготовленная Линь Цинхэ лаба имела уникальный очень приятный вкус.

В прошлом году отец Чжоу и мать Чжоу не ходили к ним обедать, поэтому Линь Цинхэ просто отослала им две миски лабы.

Однако из-за малой жирности пищи аппетит у людей этой эпохи был очень большим. Несмотря на пожилой возраст родителей Чжоу, их аппетит можно было сравнить с пятнадцатилетними подростками.

Так как же им могло хватить двух мисок? В лучшем случае они были сыты лишь наполовину.

Но в этом году все было по-другому. Пожилая пара приходила к Линь Цинхэ, чтобы питаться три раза в день, поэтому они, естественно, не сдерживались, когда ели кашу лаба.

— Прошлой ночью снег был сильным. Отец, мать, тепло ли вам спалось? — спросила Линь Цинхэ, попивая лаба.

Прошлой ночью Линь Цинхэ позвала Дава и Эрва спать в родительской комнате. Вся семья улеглась на один кан и спала очень крепко.

Несмотря на то, что Дава и Эрва были большими мальчиками, они все равно с удовольствием перебрались спать в комнату родителей.

— Тепло. Это большое одеяло мягкое и теплое, — сказала мать Чжоу с улыбкой.

Отец Чжоу тоже кивнул.

Не только одеяло было теплым, но и новый свитер, связанный его женой, был очень уютным.

Линь Цинхэ ничего не сказала и заставила их выпить еще лабы.

Дава, молодой парень, спросил:

— Мама, а в этом году наша семья будет готовить бекон?

— Что? Ты еще помнишь? — Линь Цинхэ удивленно посмотрела на него.

Она не делала бекон в прошлом году, она делала его в позапрошлом.

— Я тоже помню, — подхватил Эрва.

Саньва спросил:

— Что такое бекон? Он вкусный?

В тот год он был еще маленьким, поэтому, должно быть, не помнил.

— Это вкусно. Маринованные и жареные бекон, лучше мяса нет, — сказал Дава.

— Мама, я еще не ел! — тут же повернулся к матери Саньва.

— Что еще не ел? Ты не знаешь, сколько ты съел. Просто ты ел и не помнишь об этом,— ответила Линь Цинхэ.

— Тогда дедушка и бабушка, наверное, никогда его не ели, — сказал Саньва.

Отец Чжоу молчал. Когда он работал у хозяина, повар увидел, что он молод, и дал ему кусок бекона. До сих пор старик помнит этот вкус. Он такой вкусный, что действительно можно проглотить свой язык.

Матушка Чжоу не пробовала бекон, потому что тогда Линь Цинхэ мало приготовила, поэтому не присылала.

Тогда Линь Цинхэ опасалась, что ее назовут экстравагантной и расточительной, поэтому и не присылала.

— Просто скажи, если хочешь это съесть. Не надо вмешивать бабушку и дедушку, — ответила Линь Цинхэ.

— Мама, сделай это. Сделай это, — Саньва увидел, что жесткий способ не сработал, и начал использовать мягкий метод.

— Я потом спрошу, есть ли мясо. Если есть, то на Новый год будет бекон. Если нет, то нам остается только ждать свинину, — заявила Линь Цинхэ.

В этом году две свиньи в ее семье еще не были убиты. Их забьют примерно в середине декабря по лунному календарю. В это время еще можно было успеть приготовить бекон.

После того как Линь Цинхэ поела лаба, она отправилась в путь на велосипеде.

Чжоу Цинбай собирался поехать с ней, но Линь Цинхэ не позволила ему. Это было небольшое дело. К тому же в такую погоду на велосипеде было теплее ехать самостоятельно. Если бы она просто сидела, держась за спину мужчины, она бы замерзла до смерти.

Что касается ее желания купить мясо, чтобы сделать бекон, матушка Чжоу ничего не сказала по этому поводу.

Более того, старушка была уже в возрасте, но так и не знала, каков на вкус бекон.

Линь Цинхэ пришла к сестре Мэй и рассказала о необходимом сорте мяса. На этот раз Линь Цинхэ просила много, поэтому дала сестре Мэй три талона на еду.

Один талон стоил четыре цзиня, а три — двенадцать цзиней.

— Я не могу сказать точно, будет ли такое количество мяса, но ты можешь прийти завтра в это время, — сказала сестра Мэй.

С этими тремя талонами на еду сестра Мэй могла постараться побольше.

Кроме того, Линь Цинхэ платила за мясо больше, чем оно стоило, что позволяло сестре Мэй получать прибыль, поэтому женщина и не отказывалась от дополнительных услуг.

Дело не в том, что у Линь Цинхэ не было талона на мясо, наоборот, он у нее был.

Однако не было необходимости отдавать талон на мясо сестре Мэй. С этим талоном Линь Цинхэ сможет пойти в мясной магазин и использовать его, когда у сестры Мэй не будет мяса, а у семьи будут потребности в мясе.

Линь Цинхэ не нравилась мысль, что ей придется целый день стоять в очереди, чтобы купить мясо в мясном магазине, а в результате она получит всего 100 г мяса или около того.

Поэтому Линь Цинхэ обычно не покупала мяса в мясных магазинах. Эти талоны на мясо были почти как твердая валюта. Она могла обменять их на деньги, когда бы ни пошла в город.

Выйдя от сестры Мэй, Линь Цинхэ поехала домой на велосипеде.

На полпути она встретила старушку, которая несла корзину с яйцами и направлялась в коммуны. Должно быть, она продавала яйца.

— Госпожа, хотите обменять яйца?— непринужденно сказала Линь Цинхэ.

— Я хочу обменять их на коричневый сахар, — сказала старушка, посмотрев на нее.

— Какое совпадение. Я только что купила здесь коричневый сахар. Может быть, это последний в кооперативе спроса и предложения. Тетушка, не хотите ли вы обменять его со мной? Я не тороплюсь его использовать. Я могу сначала отдать его тебе, — улыбнулась Линь Цинхэ.

Теперь у Линь Цинхэ была привычка брать с собой корзинку, когда она выходила из дома. Вытащив корзинку, она взяла пачку коричневого сахара.

Этот пакет для коричневого сахара был приобретен раньше. Линь Цинхэ купила его в городе и хранила на всякий случай, думая о том, что когда-нибудь он может пригодиться.

Теперь он пригодился.

Естественно, коричневый сахар в этом пакете был из пространства Линь Цинхэ.

Вначале Линь Цинхэ купила двадцать цзиней сахара, а теперь осталось всего четыре или пять цзиней.

Сейчас Линь Цинхэ вынула цзинь сахара.

Тем не менее даже этот цзинь сахара был очень хорошей вещью. В это время коричневый сахар был большой редкостью.

Невестка старухи родила прошлой ночью и ей нужен был коричневый сахар для выработки молока, поэтому старушка сразу согласилась.

Однако старушка явно была в проигрыше, раз обменяла корзину яиц на этот цзинь коричневого сахара.

Линь Цинхэ не опустилась так низко, чтобы воспользоваться маленькой старушкой, поэтому она взяла две трети яиц, а оставшуюся треть вернула старушке.

— Госпожа, такой обмен будет честным, верно? — спросила Линь Цинхэ.

— Да, это справедливо, — старушка сначала очень не хотела соглашаться, но, увидев, что Линь Цинхэ возвращает ей лишние яйца, с ухмылкой кивнула.

Линь Цинхэ попрощалась и поехала домой на велосипеде.

Один цзинь коричневого сахара можно было обменять почти на три цзиня яиц. Естественно, Линь Цинхэ не понесла убытков.

Потребление яиц дома теперь было очень большим. Тем более, что в ее пространстве оставалось не так много яиц. После этой зимы они должны были быть полностью израсходованы.

Необходимо было подождать до весны следующего года, тогда Линь Цинхэ съездит в город и сделает хороший запас яиц.

Три цзиня яиц, которые были куплены у старушки, превратились в пять цзиней, когда доехали до дома Линь Цинхэ.

Если бы матушка Чжоу была в доме, она могла бы спросить, откуда взялись яйца.

Но там остались только Чжоу Цинбай и три сына, а им было не до расспросов.

У Линь Цинхэ было последнее слово во их семье. Она принимала решения, так что никто у нее ничего не спрашивал.

— Мама, ты можешь приготовить бекон? — Саньва был обеспокоен этим вопросом.

— Бессовестное отродье. Твоя мать вышла на улицу в такой мороз, и я не вижу, чтобы ты заботился обо мне по возвращении. Ты думаешь только о своем беконе. Что ж, тогда можешь есть свою задницу, — ответила Линь Цинхэ.

Молодой парень Саньва не только не рассердился, но и усмехнулся:

— Мама, ты сказала плохое слово.

— Отец и сын — сборщики долгов.

Линь Цинхэ похлопала сына по попке, потом фыркнула на невинного Чжоу Цинбая и пошла в комнату, чтобы убрать яйца.